

I

Муж

— Так что, совсем ничего нельзя сделать, чтобы изменить настоящее? — В голосе Мондзи Кадокуры звучало неподдельное любопытство. Он встряхнул головой, и застрявший в его сидящей шевелюре лепесток сакуры невесомо спланировал на пол. В полумраке кафе, где единственным источником освещения были старомодные лампы, дававшие теплый желтоватый свет, он так сосредоточенно изучал записи в своем блокноте, что его нос почти касался страницы. — Что именно это значит?

— Давайте-ка я попробую объяснить на примере... — ответил ему Нагаре Токита — двухметровый великан с узкими пронизательными глазами. Будучи владельцем кафе, он всегда носил белоснежную поварскую форму. — Видите этот кассовый аппарат? Более древнего экземпляра не найти во всей Японии. Настоящий раритет! Между прочим, даже пустой он весит сорок кило — чтобы никто не вздумал его украсть. А теперь представьте, что кто-то все-таки умудрился утащить этого монстра. — Нагаре похлопал ладонью по стоящему на прилавке кассовому

аппарату. — Если бы такое случилось, то вы бы, наверное, захотели отмотать время назад и спрятать его где-нибудь или поставить у дверей охранника, чтобы никто не смог проникнуть в кафе и украсть его, верно?

— Ну да, звучит логично, — кивнул Кадокура в знак согласия.

— Вот только это невозможно. Как бы вы ни старались, куда бы ни прятали аппарат — вор все равно найдет способ пробраться в кафе и украсть его.

— Черт возьми, это просто поразительно! А какая наука за этим стоит? — воскликнул Кадокура, подавшись вперед. — Я имею в виду, какая тут причинно-следственная связь, если вы понимаете, о чем я. Может, что-то вроде эффекта бабочки?

— Эффекта чего? — недоумевающе переспросил Нагаре.

— Бабочки, — с готовностью пояснил Кадокура. — Эту теорию выдвинул метеоролог Эдвард Лоренц на конференции Американской ассоциации содействия развитию науки в 1972 году. У нас в Японии есть похожая поговорка: «Когда дует ветер, бочкодел богатеет»¹.

— А, ну... ладно.

— Но погодите, — на мгновение задумался Кадокура. — Если настоящее нельзя изменить, то это же никакой не эффект. Это скорее коррекция, верно?

---

¹ Имеется в виду, что несущественная на первый взгляд причина может иметь далекоидущие и, казалось бы, не связанные друг с другом последствия. — *Примеч. ред.*

Если так, то это исключает эффект бабочки. Да, становится все интереснее и интереснее, — пробормотал он, записывая что-то в блокнот.

— Честно говоря, единственное объяснение, которое я когда-либо слышал, это «*потому что таковы правила*». Верно, Казу? — Нагаре посмотрел на стоящую рядом с ним Казу Токиту.

— Да, именно так, — откликнулась девушка, не отрываясь от работы.

Казу, двоюродная сестра Нагаре и по совместительству официантка в кафе, была одета в белую рубашку, черную жилетку и фартук сомелье. Миловидная, со светлой кожей и узкими миндалевидными глазами, но без каких-либо особых примет. Посмотришь на такую, моргнешь — и уже не вспомнишь, как она выглядит. Даже Кадокуре пришлось проследить за взглядом Нагаре, чтобы вспомнить о том, что здесь находится еще один человек. Она словно сливалась с интерьером, и ее присутствие почти не ощущалось.

С невозмутимым выражением лица Казу продолжала полировать бокал.

— Кстати, профессор Кадокура, а с кем вы хотите встретиться в кафе? — вмешалась в разговор Фумико Киекава.

— Пожалуйста, давайте без «профессора», госпожа Киекава. Мы с вами не в университете, — смущенно улыбнулся Кадокура, потирая затылок.

Фумико уже довелось пережить в этом кафе путешествие в прошлое ради встречи с бывшим возлюб-

ленным. Теперь она стала завсегдаем и заглядывала сюда почти каждый вечер после работы.

— О, вы знакомы? — удивился Нагаре.

— Профессор Кадокура вел у меня курс археологии в университете. Но он не просто преподаватель. Он объездил весь мир в поисках приключений. Его лекции были просто потрясающими! Я узнала из них так много интересного, — ответила Фумико.

— Возможно, вы единственная, кто так считает, — усмехнулся Кадокура. — Хотя, признаюсь, вы были блестящей студенткой, лучшей на курсе.

— Ну что вы... — смущенно отмахнулась Фумико. — Я просто терпеть не могу проигрывать.

Это было правдой лишь отчасти. Еще в школе Фумико самостоятельно выучила шесть языков и с отличием окончила университет. Кадокура до сих пор помнил ее выдающиеся способности, хотя и оставил преподавательскую деятельность. Дело явно было не в том, что она ненавидела проигрывать.

— Профессор, вы так и не ответили на вопрос, — напомнила Фумико.

— Ах да, конечно, вы хотите услышать мою историю, верно? Ну, вообще-то... — Кадокура отвернулся от Фумико, сидевшей рядом с ним за стойкой, и уставился на свои сцепленные руки. — Я хочу увидеть свою жену... просто поговорить с ней еще раз, — тихо сказал он.

— С вашей женой? Только не говорите, что она... — Фумико не договорила, но по ее взволнованному тону Кадокура догадался, что она имела в виду.

— Нет-нет, она жива.

Ответ Кадокуры немного успокоил Фумико. Но его лицо по-прежнему оставалось мрачным.

Почувствовав неладное, Фумико и Нагаре замерли в ожидании того, что он скажет дальше.

— Она жива, но после несчастного случая у нее поврежден мозг и она лежит в коме. Прошло почти два с половиной года. Такие пациенты обычно живут года три, пять лет максимум. Врачи говорят, что ей осталось недолго, учитывая ее возраст.

— Мне очень жаль это слышать. Погодите, вы надеялись вернуться в прошлое, чтобы предотвратить аварию? Если таков ваш план, то, боюсь, как я уже объяснял...

— Нет, я все понимаю. Признаюсь, была такая мысль, но теперь, если честно... — Кадокура почесал бровь и нервно хмыкнул, — вы меня заинтриговали.

— В смысле? — недоуменно переспросила Фумико.

— Ну, эта идея о невозможности изменить настоящее, даже вернувшись в прошлое... Разве это не захватывающе?

Глаза Кадокуры вспыхнули детским восторгом, но тут же погасли.

— Наверное, это прозвучало неуместно, учитывая состояние моей жены.

— Да нет, что вы. — Фумико попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. На самом деле она действительно подумала: «Фу, как бестактно».

— Эта черта моего характера всегда причиняла моей жене немало страданий. С юности я был одержим

археологией и жил только своими интересами. Я странствовал по миру в поисках приключений, месяцами не появлялся дома. Жена никогда не роптала. Она занималась домом и растила наших детей. Потом они разлетелись кто куда, и мы остались вдвоем. А я все мотался по белу свету, продолжая оставлять ее одну. И вот однажды я вернулся домой, а моя жена — в коме.

Кадокура достал из блокнота маленькую фотографию, на которой была запечатлена молодая пара. Нагаре и Фумико сразу догадались, что это Кадокура и его жена. Приглядевшись, они заметили на заднем плане большие настенные часы с маятником, точь-в-точь как одни из тех трех, что были в их кафе.

— Этот снимок был сделан здесь, в этом кафе. С тех пор прошло двадцать пять лет, может, чуть меньше. Помните, были такие камеры моментальной печати?

— Вы имеете в виду Инстакс? — уточнила Фумико.

— Да, сегодня их так называют. Фотоаппараты, которые могли делать снимки и тут же их печатать, были настоящим хитом в те времена. У женщины, которая тогда управляла этим кафе, была такая камера. Она сфотографировала нас и сказала, что у нас должен быть какой-нибудь сувенир на память.

— Это была моя мама. Она обожала все самые модные гаджеты. Уверен, что она вам сказала, что это фото на память, но на самом деле просто хотела похвастаться своей камерой, — криво усмехнулся Нагаре.

— Жена велела мне всегда носить этот снимок с собой. Она сказала, что это амулет, который меня защитит. Хотя следует заметить, что нет никаких научных оснований для того, чтобы считать фото талисманом, — сказал Кадокура, помахав карточкой.

— Вы хотите вернуться в тот день, когда был сделан этот снимок?

— Нет. Я не был в этом кафе с того дня, но я думаю, что моя жена иногда приходила сюда, чтобы встретиться с нашими детьми. Если я вернусь в прошлое, то хочу попасть примерно за два или три года до того, как она впала в кому.

— Хорошо, — ответил Нагаре и посмотрел на женщину в белом платье с длинными черными волосами и бледной, почти прозрачной кожей, сидевшую в самом дальнем углу кафе. Она спокойно читала книгу.

— У вас есть еще вопросы?

— Дайте подумать. — Кадокура убрал фото обратно в блокнот и открыл страницу, на которой он только что записал правила. Он снова почти уткнулся носом в страницу, вчитываясь в написанное. — Думаю, это связано с тем правилом, которое мы только что обсуждали. О том, что настоящее не изменяется, но...

— Что именно?

— Как слова человека из будущего остаются в памяти тех, кого он посещает?

— А? Ну, это, эм-м... — не понял вопроса Нагаре. Он нахмурился и наклонил голову. — Что вы имеете в виду?

— Простите, я, наверное, не очень понятно объясняю, — потер лоб Кадокура. — Я понимаю, что существует некая сила, которую вы называете правилом, и она не дает изменить настоящее. Я хочу понять, влияет ли это правило не только на настоящее, но и на память? — Нагаре по-прежнему выглядел озадаченным. — Другими словами, я хочу знать: если людям сказать, что их кассовый аппарат украдут, сотрутся ли их воспоминания или изменятся в соответствии с этим правилом?

— А, теперь понял, — сказал Нагаре, скрестив руки на груди.

— И что? Что будет? — вмешалась Фумико, опередив Кадокуру.

— Ну, дайте мне подумать, — Нагаре не сразу нашелся с ответом. Его мысли перескочили от «Я никогда об этом не задумывался» к «Интересно, что у Кадокуры на уме? Почему это его волнует?» Насколько ему было известно, никто раньше не задавался таким вопросом.

Теперь Фумико, присоединившись к Кадокуре, тоже смотрела на Нагаре с интересом, словно это волновало и ее.

Фумико однажды уже возвращалась в прошлое, чтобы встретиться со своим бывшим парнем, с которым она рассталась в этом кафе. Кроме того, в этом кафе действовало еще одно правило: в прошлое можно вернуться только один раз, больше этого сделать нельзя. Так что этот разговор не должен был ее интересовать. Но она вела себя так, словно была союзницей Кадокуры.